

Запрещенная 6-я статья И.С. Аксакова из цикла «О взаимном отношении народа, общества и государства»¹

*Андрей Тесля**

Аннотация. Впервые публикуются 2 варианта запрещенной цензурой 6-й статьи И.С. Аксакова «О взаимном отношении народа, общества и государства», посвященной истории земского начала и его соотношения с государственным в эпоху от Ивана IV до Петра I. Публикация сопровождается вступительной статьей, освещающей общие положения учения Аксакова о народе, обществе и государстве, а также раскрывающей цензурную историю публикуемых текстов.

Ключевые слова. Народ, общество, государство, земство, славянофильство.

Цикл статей Ивана Сергеевича Аксакова (1823–1886) «О взаимном отношении народа, общества и государства», опубликованный впервые в издаваемой и редактируемой им газете «День» в марте—апреле 1862 г., широко известен и давно находится в центре внимания исследователей русской общественной мысли. Историческая значимость данных статей в контексте развития славянофильского учения была впервые оценена и обоснована в работах С. Лукашевича (Lukashevich, 1965: 55–63) и Н.И. Цимбаева (Цимбаев, 1978: 167–215; Цимбаев, 1986: 218–224). Публикация статей стала одним из ключевых моментов в нарастающем противостоянии И.С. Аксакова с цензурой, приведшего в июне 1862 г. к приостановке «Дня» (возобновившего выход лишь в сентябре 1862 г., под формальной сменой редактора — до января 1863 г. в его качестве указывался Ю.Ф. Самарин). Напомним, что до 1865 г. сохранял действие цезурный устав 1828 г. и все периодические издания подвергались предварительной цензуре. В числе запрещенных цензурой статей оказалось и продолжение цикла о народе, обществе и государстве, сохранившееся, однако, в архиве И.С. Аксакова и впервые публикуемое в настоящем издании. Публикации предпослано краткое изложение учения Аксакова об обществе и историческая справка, раскрывающая цензурную историю публикуемых статей.

Основные положения учения И.С. Аксакова об обществе

К публикации своего цикла статей Аксаков подошел весьма основательно, справедливо придавая им программный характер. Дабы его выступление не казалось случайным или произвольным (Цимбаев, 1978: 178), в феврале «День» начал печатать

* Тесля Андрей Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета. E-mail: mestr81@gmail.com

© Тесля А.А., 2012

© Центр фундаментальной социологии, 2012

1. Исследование выполнено в рамках гранта Президента Российской Федерации (2011 г.). Тема: «Национальное самосознание в публицистике поздних славянофилов». № гранта МК-1649.2011.6.

статьи профессора юридического факультета Московского университета В.Н. Лешкова², создателя т.н. «науки общественного права», под заголовком «Что такое общество и что такое земство», сопроводив их следующим редакционным примечанием: «В настоящее время так часто употребляются слова: „общество“, „земщина“, „земство“, и нередко в таком разнородном смысле, что строгое определение этих выражений мы считаем не только не лишним, но даже необходимым в нашей литературе» (День. 1862. № 19. С. 9). Впрочем, содержание статей скорее разочаровало редактора, представляя из себя коллекцию бесформенных рассуждений и попыток переформулировать полицейское право (которое преподавал Лешков в университете) путем преимущественно терминологических замен³ — и во 2-й статье из цикла Аксаков одновременно упоминает о публикациях сотрудника своей газеты и отмежевывается от них: «Г. Лешков первый сделал у нас опыт создать науку „общественного права“, до сих пор отвергаемую юристами, — но не об этом обществе и не об этом праве хотим мы говорить» (Аксаков, 1891: 32).

Вопрос, на который отвечает Аксаков в своих статьях, формулируется им следующим образом: «что такое общество, и какое его значение в России, между Землею и Государством?» (Аксаков, 1891: 31). Разграничивая понятия, Аксаков выстраивает следующую систему:

1) Под **народом** «в тесном смысле и более строгом» понимается «*простой* народ, то народное множество, которое живет жизнью непосредственной. <...> Народ состоит из отдельных единиц, имеющих каждая свою личную разумную жизнь, деятельность и свободу; каждая из них, отдельно взятая, не есть народ, но все вместе составляют то цельное явление, которое называется народом и в котором исчезают все отдельные личности. Поэтому народ не есть агрегация или совокупность лиц с их совокупною деятельностью, а живой, цельный духовный организм, живущий и действующий самостоятельно и независимо от лиц, составляющих народное множество» (Аксаков, 1891: 33–34).

Народное творчество (результатом которой являются соответствующие формы народной жизни) является бессознательным: «Народные единицы не *замечают* здесь участия своей личной мысли, участия, однако, несомненного; здесь нет *посредствующего* действия мысли между отдельною личностью в народе и народом. Как самое народное творчество принадлежит в с е м у народу, а не отдельным лицам, так в с е м у же народу принадлежит пока и сознание этого творчества» (Аксаков, 1891: 34) — т. е. перед нами вполне типичная и уже хорошо знакомая тогдашней российской аудитории романтическая концепция народа и народного духа (творчества), из которой следует предсказуемый через сделанный акцент на бессознательности переход к «обществу».

2. Лешков Владимир Николаевич (1810–1881), профессор международного и полицейского права Московского университета, близкий во 2-й пол. 50-х — 60-х гг. к славянофилам, автор сочинения «Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века» (М.: Университетская типография, 1858; 2-е изд.: Москва: Юридический центр Пресс, 2004).

3. См. резкий, но во многом справедливый отзыв о В.Н. Лешкове в воспоминаниях Б.Н. Чичерина (Чичерин, 2010: 129).

2) **Общество** «есть народ на второй ступени своего развития, народ самосознающий» (Аксаков, 1891: 40), когда «личность, поглощаемая в народе, существующая и действующая в нем не сама по себе, а как часть, атом народного организма, получает вновь свое значение в обществе, но с тем, чтобы путем личного подвига и личного сознания утвердит свою связь с народом и воссоздаст новую высшую, духовную цельность народного организма» (Аксаков, 1891: 36). Общество, настаивает Аксаков, тем не менее «не есть явление политическое, <...> сила его есть сила нравственная, сила общественного мнения, и <...> орудие деятельности общества — есть слово <...>. Как скоро раздастся общественное слово, как скоро оно является как *власть имеющее*, — мы познаем существование общества» (Аксаков, 1891: 39, 42). Отметим, что хотя личность по Аксакову имеет значение не безусловное — она может быть оправдана через восстановление прежней народной цельности на новом уровне, т. е. через приведение ее к самосознанию, однако сам данный акцент на личности отнюдь не является общеславянофильским — скорее количество оговорок и ограничений, особое подчеркивание не безусловной ценности личности является предосторожностью автора по отношению к представителям славянофильского лагеря. Так, например, в 1853 г., заочно беседуя с А.И. Кошелевым, предпочитавшим простые бинарные схемы и сближавшимся в своей критике Запада скорее с Погодиным и Шевыревым, Аксаков писал (8.XII, из Харькова): «Если Запад грешит развитием личности, то мы, кажется, грешим безличностью, т. е. уничтожением личности всюду, в семье, в общине и преимущественно в сословии духовном и в жизни церковной» (Аксаков, 1892: XIII).

В рамках того же романтического видения Аксаков уточняет: «Общество ни в какой данный момент не может называться полным выражением народного самосознания. Оно есть *деятельность* народного самосознания, которое постоянно возрастая и усиливаясь, приближает народ к его конечной цели, к самосознанию» (Аксаков, 1891: 42), т. е. «народ» мыслится как субстанциальная основа (и общества, и государства), всякое выражение которой является неполным, ограниченным.

3) **Государство** возникает раньше общества, являясь как «внешнее определение, данное себе народом; деятельность его, т. е. государства, и сфера его деятельности — чисто внешние» (Аксаков, 1891: 35). В согласии с либеральной доктриной Аксаков формулирует надлежащий порядок вещей: «Государство и государственное начало должны быть отвлечены от жизни народа и общества на поверхность, и оставаться в тех скромных пределах, какие полагает им духовная и нравственная деятельность самого общества» (Аксаков, 1891: 47). Однако в отсутствие или при неготовности общества государство оказывается вынуждено брать на себя задачи, ему не принадлежащие, «создает подобие самого общества, точно так же как и подобие свободы, подобие независимости от правительства, подобие вольной общественной деятельности <...>. Разумеется, все такие старания тщетны, потому что правительство в таких случаях пытается, в то же время, дать *направление* общественному развитию, создать общество в известном духе и на известных началах, согласно своим целям» (Аксаков, 1891: 50). В отсутствие общества исчезает для народа возможность «деятельного поступательного движения, деятельной, активной силы; он беззащитен против государства и может противопоставить ему лишь силу пассивную, силу в охранении, в

сбережении своих начал, существенных элементов своей народности» (Аксаков, 1891: 48).

Делая упор на личной свободе, Аксаков оказывается близок к представлению о «новой свободе» Бенжамена Констана в противопоставлении «древней», т. е. свободы в частной сфере в противовес свободе в сфере публичной (Валицкий, 2012: 171), и, как и Б.Н. Чичерин, мыслит сохранение самодержавия в России необходимым для этих свобод (Валицкий, 2012: 156–157), однако в отличие от позиции последнего акцентируя, что право находит свою опору в общественном сознании, в противном случае оставаясь пустым звуком: «никакие законы не имеют прочности и живительного действия без помощи общественного сознания» (Аксаков, 1891: 46); «никакие учреждения, как бы свободны они ни были, никакие представительства, никакие *политические сословия*, никакая аристократия и демократия — не могут заменить *общества* и своею деятельностью восполнить недостаток деятельности *общественной*; отсутствие общественной деятельности или бездействие общественной жизни, как жизни народного самосознания, — делает народ бессильным и беззащитным, а государство несостоятельным, — хотя бы и существовали политические сословия и даже представительные учреждения» (Аксаков, 1891: 51); так, например, утверждает Аксаков, «в Англии с XIII века была и конституция, и парламент, и независимое *политическое* сословие (в которое некоторым нашим публицистам так хочется пожаловать Российское дворянство!), была и революция 1649 года: однако ж, начало Английской с в о б о д ы считается с революции 1688 года, с той революции, которая не пролила почти никакой крови и которая была скорее о б щ е с т в е н н ы м движением, чем народною революциею в обыкновенном смысле слова» (Аксаков, 1891: 49).

Именно в отсутствии или, по крайней мере, слабости общественной жизни видит Аксаков основную современную проблему России и в то же время полагает, что для ее формирования существуют все условия: «Нам недостает внутренней, общественной жизни, недостает глубоких убеждений, недостает самодеятельности, недостает силы, *силы общественной* <...>! Проснуться, ее, эту силу, вызвать, ей поработать, ее созидать — вот к чему мы должны стремиться, все, всем обществом, от мала до велика, — вот в чем наше спасение и охрана, вот единственное условие нашего развития и преуспевания!..» (Аксаков, 1891: 30–31)⁴, причем общественная среда мыслится как

4. Стремление к независимости общества и возможности общественной инициативы, свободной от государственного вмешательства, как это свойственно Аксакову, было столь страстным, что вызвало резкое письмо к М.О. Кояловичу* в ответ на отправленную последним в редакцию «Дня» статью с призывом к правительственному содействию в организации православных братств в Северо-Западных губерниях. Письмо относится к периоду написания цикла статей о народе, государстве и обществе (28.II.1862) и столь характерно, что мы считаем нужным привести из него обширное извлечение:

«...Вашу заметку о братствах решительно отказываюсь поместить. Рука не поднимается на такое дело. И без того лгано и налгано на Святой Руси довольно. Нет! мы хотим провести официальную ложь еще и тут, где до сих пор ее не было! Заводить извне братства, в наше время, при содействии Правительства, помощью барынь, — братства — как средство понимаемое политически, — есть — извините — фальшивая мысль. Вы не вдохнете в них той внутренней силы духа, той искренности, той наивности убеждения, которые одни давали им жизнь и плодотворное значение. Для меня нет ничего противнее лжи официальной, вносимой в область веры, чувства, свободы. Ненавижу я Kaiserlich-Königlicher Liberalismus, Kaiserlich-Königliche Religion, Gefühle, и проч.; ненавижу штатных миссионеров,

бессловная: «Чем меньше сословий, чем меньше перегородок, разделяющих людей между собою, тем легче их соединение, тем возможнее дружная деятельность единиц» (Аксаков, 1891: 53)⁵.

В письме к Ю.Ф. Самарину от 22.III.1862 г. И.С. Аксаков так отзывался о своих статьях: «Как неприятно и даже страшно, даже дерзко писать такие статьи как плод одиночной мысли, которой и созреть было некогда, писать без предварительного суда и проверки. Мне кажется, что эти статьи восполняют некоторый пробел в славянофильском учении Константина о государстве и земле. Там не было места обществу, литературе, работе самосознания. Непосредственность народного бытия и деятельность сознания, безличность единиц, народ составляющих, и личная деятельность их в обществе — все это не было высказано, а потому сбивало с толку публику и читателей; потому что понятия эти и представления, как не разграниченные, постоянно смешивались. В представлении нашем о допетровской Руси нет и места обществу, да и вообще нет места всем этим вопросам» (Аксаков, 2012: 235; Цимбаев 1978: 178).

прикомандированных апостолов, и т. п. Братство есть живое явление, требующее того отношения к вере, которое невозможно в нашей цивилизованной публике; оно должно возникнуть свободно, органически, само собой. Должно возникнуть из ничего, на гроши медные, под влиянием проповеди искреннего миссионера. Вы можете частным образом убедить того или другого дать денег в пользу братств, но сохрани Бог, если Правительство или правительственное общество будет тут участвовать. Обращаться же к публике с просьбою денег на заведение братств, или на заведение дела, имеющего одушевить существующие останки, это все равно, что собирать денег на заведение Апостолов и миссионеров, которых нет <[вставка над строкой:] еще не имеется. Ну хорошо:> Деньги соберутся. Надо заводить братства. Командируется чиновник, снабженный указом Его Императорского Величества из Святейшего Синода. Устанавливаются какие-то жалкие подобию братств, подчиняются контролю местного Епархиального начальства, обязываются подавать отчеты и писать рапорты. . . Фу, какая мерзость! Неужели Вы еще верите в учреждение, т. е. что форма учреждения что-нибудь значит и может создать? Тогда отлично было бы жить на свете, чрезвычайно легко. Написал на бумаге учреждение, приставил начальство с контролем за тем, чтобы учреждение действовало. . . И учреждение будет мертвою буквою, лишеною духа животворящего. А животворящий дух не дается сверху.

Не увлекайтесь сочувствием барышень и проч. Просите деньги от Тютчевой (которую очень люблю, между прочим), но как от Анны Федоровны Тютчевой, но не как от Фрейлины Двора и проч. Пробуждайте дух Православия в народе, но не требуйте покровительства власти: оно способно все опакостить. — Бросьте эту мысль, Михаил Осипович, но поезжайте летом в Литву, пройдете ее пешком из конца в конец и горячею проповедью пробуждайте дух, заснувший в народе. Тогда возникнут братства, и тогда пожалуй — пусть обратятся они к нам за помощью. Но не к модным дамам, которые очень будут рады собрать Вам денег на братство посредством благотворительный лотерей, спектаклей, балов, кокетства, моды и суеты.

Ив. Аксаков.

28 Фев. 1862.

P.S. Положительно не печатаю этой заметки, не хочу участвовать в таком деле» (ИРЛИ, ф.3, оп. 2, ед.хр. 22, лл. 18–19об).

* *Коялович Михаил Осипович* (1828–1891), историк, публицист и издатель, основатель «западно-русской» исторической школы. Публиковался в изданиях Аксакова «День», «Москва» и «Русь», в частности в «Дне» вышли «Чтения по истории Западной Руси», затем выпущенные отдельным изданием.

5. Напомним, что в самом начале 1862 г. («День», № 13 от 6.I.1862) Аксаков выступил с призывом к «самоликвидации дворянства как сословия», утверждая, что после отмены крепостного права дворянство утратило основания своей сословной замкнутости и должно войти в единое «земство» (Аксаков, 1887: 214–220).

Последняя фраза представляется ключевой для понимания цели Аксакова — связать славянофильскую социально-политическую доктрину в том виде, в каком она выразилась в статьях покойного брата, с современной ситуацией, т.е. реализовать ту задачу, которая была общей для всей публицистической деятельности Аксакова: представить славянофильство не как мертвое учение, а исходя из него оценивать и осмыслять все ключевые вопросы современности. В то же время Аксаков стремился представить свои взгляды (разделяемые в данном случае Ю.Ф. Самариним) как дополнение, уточнение взглядов брата — в действительности осуществляя их качественную трансформацию и сознавая это⁶. Если К.С. Аксаков противопоставлял в своих работах, написанных после 1848 г., «Землю» и «Государство», отстаивая тезис о «негосударственности» русского народа, его неполитичности⁷, то И.С. Аксаков, вводя третий член в данную конструкцию, «Общество», тем самым стремится создать и «третью сферу», между народом и государством, сферу совместного действия и мысли, автономной от государства — и при этом, в отличие от «Земли» К.С. Аксакова, не тяготеющей фактически к отождествлению с «частной жизнью».

Ю.Ф. Самарин, отзываясь на публикацию статей, писал Аксакову 13.V.1862 г.: «Они превосходны, и я должен тебе сказать, что, читая их, я удивился тому, что никто из нас до сих пор не догадался осветить эту сторону вопроса. Именно потому, что она оставалась до сих пор в тени, к коренному разномыслию между нашими и не нашими примешивались недоразумения, которые теперь отпадают» (цит. по: Цимбаев, 1986: 219).

Фактически Аксаков мог настаивать на «неполитическом» характере «общества» в своей интерпретации лишь путем крайнего сужения понятия «политического», сводя его до «деятельной, политически организованной власти» (Аксаков, 1891: 46) и тем самым, формулируя тезис о формировании политического и гражданского общества, избегать требований политического характера.

Цензурная история статьи

Наибольший вклад в изучение цензурной истории цикла статей о народе, государстве и обществе внес Д.А. Бадалян (Бадалян, 2011: 103–113), сумевший кардинальным образом изменить сложившиеся представления о возникшем конфликте за счет привлечения материалов РГБ (фонд Головнина) и РНБ («царские обозрения»), доказав, что решение о цензурном запрете 6-й статьи аксаковского цикла было приня-

6. В письме от 10.III.1862 г. Аксаков уведомлял графиню А.Д. Блудову* о выходе первой статьи цикла и сообщал: «Эта статья ведет за собою целый ряд статей, по моему мнению, довольно важных, развивающих целое новое учение об обществе; в какой степени *они мне удалось* — это другой вопрос» (Аксаков, 1896: 245–246).

* Блудова Антонина Дмитриевна, графиня (1813–1891), дочь графа (с 1842 г.) Д.Н. Блудова (1785–1864), на момент событий состоявшего (с 1855 г.) президентом Академии Наук и в 1862 г. назначенного председателем Государственного Совета. Состояла при дворе, в 1863 г. став камер-фрейлиной, пользовалась значительным влиянием при дворе, а в рассматриваемый период и через влияние на отца. Принимала большое участие в благотворительных организациях и акциях, имевших своей целью поддержку православия в Западных губерниях.

7. О концепции К.С. Аксакова см. подробнее: Цимбаев, 1986: 158–164.

то лично императором (вопреки существовавшему до этого момента мнению о том, что решение принималось управляющим Министерством народного просвещения А.В. Головным⁸).

Как уже отмечалось ранее, отношения И.С. Аксакова с цензурой были весьма напряженными с самого начала издания «Дня», однако на высшем уровне рассуждения о народе, государстве и обществе привлекли внимание, судя по всему, лишь с появлением 4-й статьи. В т.н. «царском обозрении»⁹ (№ 54 от 27.III.1862) ее содержание излагалось следующим образом: «„Обществом“ называет „День“ сознательную часть народа и приписывает ему чрезвычайное значение. „Его сила, — говорит автор, — не в том или другом сословии, а в сумме образования всех сословий. Где нет ‘общества’, там народ лишен возможности деятельного поступательного движения“. Слепая масса имеет силу, но сила эта действует мгновенно и редко разумно: „общество“ должно руководить ею. Всякого рода политические перевороты суть только внешние перемены, если они не опираются на сознательную часть нации <...>. Где нет „общества“, там правительство или, как называет „День“, — „государство“ поневоле должно принимать на себя инициативу многого такого, что ему не должно было бы подлежать; там оно принуждено между прочим создавать призрак „общества“, т. е. сословия людей образованных и независимых; но эти призраки так же мало имеют действительного значения, замечает „День“, как представители крестьянского сословия в присутственных камерах наших палат. „Общество“ и общественное мнение с его различными „направлениями“ (которые автор противопоставляет „партиям“) с одной стороны, а с другой „государство“ — вот две главные, и хоть иногда соперничающие, но всегда совместно действующие силы в здоровом организме народном» (цит. по: Бадалян, 2011: 105).

Практически одновременно начались проблемы с продолжением цикла — направленная в Московский цензурный комитет 5-я статья (предназначенная для № 25 «Дня» от 31.III.1862) подверглась запрещению. В протесте на действия Московского цензурного комитета И.С. Аксаков писал: «Основная мысль статьи 25 №, равно как статей 22, 23 и 24 №№, заключается в том, что никакие политические учреждения, никакие конституции, никакие внешние гарантии не обеспечивают свободы народной жизни и развития; обеспечение находится только в развитии чисто *нравственной* силы просвещения, в развитии *общества*, которое есть не учреждение политическое, а среда, в которой вырабатывается народное сознание... Комитет не понял моей ста-

8. Данное суждение опиралось на мнение И.С. Аксакова, отраженное в его переписке — в свою очередь источником данного мнения был сам А.В. Головнин*, который, информируя о запрете статьи, не уведомил адресата о том, что окончательное решение принималось Государем (более подробно данная ситуация будет рассмотрена ниже).

* Головнин Александр Васильевич (1821–1886), представитель т.н. «константиновцев», т.е. правительственной «партии», связанной с Великим Князем Константином Николаевичем, служил при последнем в Морском министерстве. С 1861 по 1866 — главноуправляющий министерством, а затем министр народного просвещения, после отставки с министерского поста назначен членом Государственного Совета.

9. «Извлечения из газет и журналов» для представления Государю Императору с января 1862 г. готовились чиновниками для особых поручений Главного управления цензуры П.И. Капнистом и П.К. Щебальским, а затем и Е.М. Феоктистовым (Аксаков, 2012: 240).

ты, не понял ее основной мысли» (Аксаков, 2012: 241). Он настаивал, что «комитет не понял его, обратив внимание на отдельные выражения, а не на „смысл, приданный этим выражениям“» (Бадалян, 2011: 106), и объясняя «смысл», писал: «Республиканское правительство, парламент, если не сдерживаются в своих пределах обществом, представляют еще большую опасность для народного развития, чем власть самодержавная, ибо, под видом свободы, вносят начало государственное, начало внешней правды, в самую сокровенную глубь народной совести, заменяют внешнюю политическую свободой свободой внутреннюю <...>. Обращаясь к России, мы видим, что в ней политических учреждений, гарантирующих свободу не было, но была развита жизнь земская, и земля находилась в самом тесном дружеском союзе с Государством. <...> Но заменять роль общества государству несвойственно <...>. Вся наша забота в настоящее время сводится к усилению нравственному обществу, к сознанию начал нашей народности, к деятельности мысли и науки; и всякие внешние политические гарантии были бы опасны для нашего развития, внося к нам тот же государственный, не общественный элемент только в злейшей или опаснейшей форме, в виде политической, следовательно, не истинной, не внутренней свободы» (цит. по: Бадалян, 2011: 106).

Одновременно с официальным протестом Аксаков пишет к А.В. Головнину, убеждая министра: «Я начал целый ряд серьезных статей, целый трактат об обществе, и в этом строгом труде чужд совершенно всяких намеков, выходов и тому подобных несерьезных приправ», утверждая, что цензуру смущает только тон статей (Цимбаев, 1978: 182). В этом отношении публицист недооценивал своих цензоров — председатель Московского цензурного комитета М.П. Щербинин¹⁰ в ответ на протест Аксакова доносил министру, что в запрещенной статье усмотрено сходство со статьей К.С. Аксакова «Краткий исторический очерк земских соборов» («День», № 13 от 10.I.1862) и «полагал, что разрешение статьи И. Аксакова означало бы одобрение предосудительного... направления» (Цимбаев, 1978: 182, прим. 34).

Настойчивость Аксакова в данном случае имела успеха — Головнин, лично просмотрев статью и отметив в ней шесть «сомнительных мест», передал ее 5 апреля на рассмотрение императора¹¹, который, исключив еще три места (содержавшие непри-

10. Щербинин Михаил Павлович (1807–1881), сенатор с 1856 г., в 1860–1865 гг. член Главного управления цензуры и председатель Московского цензурного комитета; участвовал в составлении проекта устава книгопечатания (утв. 6.IV.1865). С 30.VIII.1865 по 2.XII.1866 — начальник Главного управления по делам печати.

11. Реакция Аксакова на известие Головнина, что его статья передана на высочайшее рассмотрение, отразилась в письме к графине А.Д. Блудовой от 10.IV.1862: «Я получил официальное уведомление от Головнина, что „статья моя будет представлена Государю, и потому ответ последует не скоро“. Можно заранее предвидеть ответ, судя по тому толкованию, которое дает Головнин моей статье, и которое вы мне сообщили в последнем вашем письме. Признаюсь — утруждать Государя цензурованием статей и сваливать на него с себя ответственность — по моему мнению — просто безнравственно! Какой же Государь цензор? Каково же ему читать статью без начала и конца, не зная ее связи с другими статьями и с целым порядком идей, ему совершенно чуждых? Просто безобразно и безнравственно! И это в то время, когда с такой помпой возвещают о преобразовании цензуры!» (Аксаков, 1896: 251).

Тем более восторженной была реакция Аксакова после благополучного для него решения императора — в письме к той же корреспондентке от 16.IV.1862: «Я всею душою благодарен моему ново-

ятные оценки государства), разрешил статью печатать в исправленном виде¹². Получив разрешение, Аксаков сразу же задается вопросом о судьбе дальнейших статей: «Теперь для меня вопрос, как поступят они с продолжением: неужели опять будут посылать? Этот вопрос решится послезавтра, в среду (Цензурный комитет) для передовой статьи 28-го №. Есть много оснований предполагать, что пошлют: „Ну так пусть цензурует, благо охота есть! Мы уж с толку сбились совсем!“» (Аксаков — гр. А.Д. Блудовой, от 16.IV.1862: Аксаков, 1896: 252–253).

Подозрения оказались оправданны — 6-я статья, предназначавшаяся для № 28 «Дня» от 21.IV.1862 была переслана Московским комитетом в Петербург¹³, а 22.IV ее вместе с корреспонденцией из Литвы А.В. Головнин представил на рассмотрение Александра II, отметив места, которые находил невозможными публиковать (см. 1-й вариант статьи); «император, отвечая на всеподданнейшую записку управляющего министерством, указал, что и передовая статья Аксакова, и корреспонденция из Литвы „решительно не должны быть печатаемы“» (Бадалян, 2011: 110). Получив ответ и не зная, что решение принято самим императором, Аксаков пытается бороться и пишет 29.IV.1862 своему другу со времен Училища правоведения кн. Дмитрию Оболенскому, в то время возглавлявшему комитет по пересмотру цензурных установлений:

«Ты знаешь, что моя передовая статья в 27 № была цензурирована *en hautlien*. Многое вычеркнуто, но вообще процензурировано очень добросовестно. Чрезвычайный Цензор оставил все мысли, противные его убеждениям, только смягчил резкость выражения. Ал.В. Головнин был, напротив, уверен, что статья не будет пропущена, и накануне объявил об этом Графине Блудовой. Это ему было досадно. Подаю я новую

му цензору. Он оказывает замечательные цензорские способности, что даже возбудило зависть московских цензоров. Но говоря серьезно, он поступил очень добросовестно: оставил много мыслей, которым сочувствовать никак не может, и смягчил только выражения. К сожалению, он вычеркнул несколько фраз, которые уже были напечатаны в одном из предшествовавших Нумеров и приведены мною оттуда. Вычеркнул также одно место, взятое из статьи, напечатанной в „Русской Беседе“ в 1856 году. Наконец в одном месте оставлена голова фразы, существительное, а глагол зачеркнут! Выходила бессмыслица! Я должен был приставить новый хвост, и этот ничтожный хвостик задал много работы Щербинину. Прибавить что-нибудь после верховной цензуры — ведь это дерзость! Так оставить — еще хуже: все будут знать, откуда и отчего бессмыслица! Мяли-мяли этот хвост и приставили к львиной голове хвост овечий. Вообще статья очень потеряла.

Но я все же искренне благодарен моему цензору за то, что пропустил, с его точки зрения, много: это дает мне возможность продолжать мои статьи» (Аксаков, 1896: 252).

12. Статья вышла только в номере «Дня» от 17.IV, в связи с чем в посмертном собрании сочинений И.С. Аксакова «оторвалась» от первых четырех (Аксаков, 1891: 26–59), будучи включена редакторами в V-й том под данными ими заголовком «Исторические судьбы земства на Руси» (Аксаков, 1887: 229–238). В новейшем научном издании публицистики И.С. Аксакова данная ситуация сохранилась — 5-я статья цикла напечатана в блоке статей под редакционным заголовком «Спасение — только в деятельности самосознания» (Аксаков, 2002: 642–648), тогда как первые четыре статьи помещены в разделе «Доктрина и органическая жизнь» (Аксаков, 2002: 132–157).

13. В письме от 19/20.IV.1862 г. Аксаков извещал графиню А.Д. Блудову: «Мне не пропустили пяти статей для этого <т.е. 28> №, и все отправлены в Петербург. Не пропустили передовой статьи: продолжение истории Земства от Иоанна до Петра, — на том основании, что уже не деликатно и дерзко цензурировать здесь продолжение, когда начало подвергалось цензуре там, вверху! А мне кажется не деликатно утруждать внимание Государя понапрасну!» (Аксаков, 1896: 254).

свою статью, продолжение первых. Дурак Щербинин, находя, что неделикатно с их стороны цензуровать продолжение, когда начало было цензуровано „ТАМ“, отсылает новую передовую статью г. Головнину. Ал.Вас. на этот раз решился не подавать ее Государю: чего доброго, пожалуй, пропустит! и продержав статью около двух недель, возвратил мне ее вчера, но в каком виде! Ни один цензор в мире не смел и не смеет делать того, что он сделал, нарушив цензурный устав. Он взял на себя дать статье другой смысл и оборот. Напр., я говорю — такая-то мера не хороша. Он вычеркивает не, и выходит такая-то мера хороша!.. Как назвать подобный поступок? Далее — он вычеркнул то, что было в моих же передовых статьях слово в слово сказано, нумера два-три тому назад! Он вычеркнул место, взятое целиком из Р<усской> Беседы 1856 года!! Вот прогресс-то! В таком виде, разумеется, статья напечатана быть не может, а между тем — мне необходимо было бы продолжить и кончить свой трактат об обществе и государстве. Подписчики пишут и требуют продолжения! В этом поступке Ал.В. Головнина видна какая-то месть, какая-то умышленность и преднамеренность, насмешка и неуважение к литературе. — Я право не знаю, как быть, хотел было писать ему письмо — и требовать чтобы статья моя была представлена Государю. Но сначала попробую другие средства. — А рукопись, процензурованную г. Головниным, я отдам для хранения в новый Музей, чтобы увековечить его имя... Да, забыл. На этой же неделе официально написал Щербинину, чтобы „День“ цензуровать как можно строже. Все ведь это делается во имя общей пользы!!!

Ну как же после этого обсуждать а *tete repose* заданные тобою вопросы! Если правительство стоит на той точке зрения, которая выражается в циркулярах Головнина и в его цензуровании статей, — то хороши же выйдут твои законы! Не верю я ни в чем Головнину, не верю Правительству, не верю твоей комиссии. Даже страшно пособлять вам, чтобы не замарать рук своих и имени участием в ваших — враждебных пользам России делах! Вы осуждены делать ошибки и вред! „Молодое министерство“, „либеральное министерство“ уже обличило перед лицом России свою несостоятельность! Головнин и Валуев¹⁴ возвращают литературу к Николаевскому *terror'a!*» (ИРЛИ, ф. 3 оп. 2 ед. хр. 30, лл. 62–63об).

Аксаков переделывает статью, смягчая выражения, но оставляя, разумеется, неизменным основное содержание (см. вариант 2, предназначенный № 30 «Дня» от 5.V.1862) и отсылает ее вновь в Петербург. Дальнейший ход событий излагает сам Аксаков в письме к кн. Дм. Оболенскому¹⁵ от 2.V.1862:

14. Валуев Петр Александрович (1814–1890), граф (с 1880 г.), министр внутренних дел (1861–1868), министр государственных имуществ (1872–1877), председатель Комитета министров (1877–1881). Добился в 1862 г. передачи цензы в Министерству внутренних дел, пытаясь проводить более гибкую политику в отношении печати и управлять общественным мнением (в частности через создание полуофициальной газеты «Северная Почта» и т. п. начинаний). Отношение Аксакова к Валуеву было настолько напряженным, что едва ли не приближалось к состоянию личной ненависти — его он считал первым виновником своих цензурных мытарств, одновременно воспринимая Валуева как олицетворение «петербургского либерализма».

15. Оболенский Дмитрий Александрович, князь (1820/22–1881), фигура в этот период близкая и «милютинцам» (с Н.А. Милютиним он был дружен с конца 40-х г.), и «константиновцам» (с 1853 г. служил в Морском министерстве), дружен с семьей Аксаковых (см.: Аксакова, 2004), двоюродный брат Ю.Ф. Самарина. В начале 1862 г. назначен председателем комиссии, учрежденной для пересмотра, дополнения и

«Обстоятельства дела<:>

1. Я написал передовую статью. Ее послали в Петербург. Головнин в полной уверенности что статья не будет пропущена (о чем объявил Граф<ине> Блудовой и другим) представил ее Государю. Государь пропустил: статья напечатана в 27 №. Головнин бесится.

2. Написал другую передовую статью, продолжение. Посылают ее в Петербург. Головн<ин>, боясь, что Государь неравно ее пропустит, цензурует сам безобразнейшим образом искажает смысл, вместо отрицательного — становится положительный, исключает три страницы (повторение слово в слово того, что было напечатано в Дне, за три, за четыре №№) и возвращает. — ~~но Государю~~

3. Так как в этом виде напечатать статью не могу, то написал новую, отчасти переписав, отчасти исправив старое и значительно сократив. Цензура не пропускает. Я посылаю Министру при письме обе статьи: первую, на которой наложил он свое Краснописанье, и вторую, — с просьбою: в случае, если он сам не считает себя в праве разрешить мне мою статью, представить ее Государю.

4. Нынче получаю от Министра следующее письмо.

М.Г.
Ив. Сергеевич

В ответ на письмо Ваше от 2 Мая, имею честь уведомить, что при всем желании сделать Вам угодное, я не могу изменить решение свое (1) относительно Вашей статьи и не считаю себя вправе утруждать Государя слишком частными докладами о спорах редакторов с цензорами; на Ваше замечание относительно „более чем строгого обращения“ моего с Вашею статьею, я позволяю себе вполне откровенно сказать, что Ваш журнал приносит вред всей литературе (2), ибо более всякого другого издания служит поводом к общим строгим мерам и положительно мешает всему на пользу литературе, что старается совершить Комиссия, учрежденная для пересмотра постановлений по делам Книгопечатания (3). На днях выйдут новые строгие временные правила цензорам, и причина оных — Ваш журнал. В заключение я должен сказать, что стараясь работать для пользы всей литературы вообще я не считаю себя вправе жертвовать общей пользой частным видам того или другого журнала.

Каким образом я тебе мешаю, Оболенский? прошу объяснить. Что, ты жаловался, что ли? Отчего же в печатном циркуляре М-ра, в котором напечатаны сообщения разных Министров о замеченных ими промахах предварительной цензуры, нет ни одной заметки на „День“. Какая наглая ложь и клевета! Это известная манера — с больной головы на здоровую! Кто же ему велит соглашаться на строгие меры? О каком же облегчении литературы вы мечтаете, коли не можете переварить моей газеты!

изменения постановлений о книгопечатании (во главе этой комиссии, и ее преемницы, учрежденной в январе 1863, Оболенский оставался вплоть до принятия устава о книгопечатании 1865 г.). С 1863 г. также возглавлял Департамент таможенных сборов.

У тебя вообще скверная привычка не отвечать, но на это письмо я требую ответ. День приносит вред литературе? А обществу? Должно быть, Современник и Русское Слово самые безвредные журналы.

Не то же ли это отношение правительства ко мне, как и отношение его в XVIII веке к дворянину Кравцову, если только ты прочел эту статью в XIX № 28 №. Головнин бессознательно служит Немецкому началу, для которого Русская народность величайший, ненавистнейший враг. Чернышевский и Правительство одного поля ягода: оба ренегаты относительно Русского Народа, оба приверженцы Западного деспотизма только в разных видах, оба Немцы. Это ожесточенное преследование «Дня» и вообще Славянофильских органов есть явление историческое, многозначительное, — борьба Петербургского Правительства и Петровского направления с народом и народным самосознанием.

Отвечай мне немедленно. О том, что у Головнина лежит моя статья, которую он отказывается представить Государю, я доведу до сведения самого Государя. Пусть он рассудит» (ИРЛИ, ф. 3, оп. 2, ед. хр. 30, лл. 64–65об.).

Как видим, Головнин не довел до сведения Аксакова, что решение о безусловном запрещении статьи принималось самим императором. Каковы были мотивы подобного поступка, сказать однозначно трудно: начиная от стремления защитить имя императора, принимая на себя ответственность за непопулярные действия вплоть до желания поддержать свой собственный статус в глазах окружающих как управляющего министерством, способного принимать самостоятельные решения, а не послушного исполнителя чужой воли, пусть и высочайшей. Помимо прочего следует, по нашему мнению, обратить внимание на специфику «сценария власти» Александра II, определенного Р. Уортманом как «сценарий любви», когда от государя должны исходить милости и он должен привязывать к себе сердца любовью и обожанием, устанавливая эмоциональную связь; соответственно, принятие непопулярных мер падало на лиц, не отождествляемых с монархом, на безличное «чиновничество» (Уортман, 2004: ч. 1). Аксаков же интерпретирует создавшуюся ситуацию как конфликт с министерством, доходя до крайнего раздражения в адрес Головнина и Валуева. Н.С. Соханской¹⁶ Аксаков пишет 6.V.1862: «Я очень рад, что мои статьи об обществе вам нравятся. Необходимо было это дальнейшее развитие славянофильской мысли, и наконец уяснить себе самому значение столь неопределенного слова: общество. Но, к сожалению, мне все не дают добраться до русского общества, к которому я хочу подойти путем историческим. <...> Государь уже статей 6 или 7 (передовых и непередовых) цензуровал для „Дня“, — и — должно отдать ему справедливость — он являл себя всегда очень милостивым, снисходительным и разумным. Он большею частью смягчал только выражения и дозволял многое, что совершенно несогласно с его личными убеждениями. <...> Некоторые он запретил; но, кажется, министр нашел Государя слишком либеральным цензором и следующую мою передовую статью процензуровал сам, но так, что напечатать ее не было возможности, так она была искажена в смысле: из отрицания сделано утверждение, и наоборот. Я написал о том

16. Соханская Надежда Степановна (1823/25–1884), известная русская писательница 1850-х — 80-х гг. (под псевдонимом Кохановская). Ее творчество высоко ценил Аксаков, публикуя ее произведения еще в бытность редактором «Русской Беседы» (1858–1859) и вплоть до кончины писательницы.

же новую статью, того же содержания; цензура не пропустила — пошло в Петербург. Между тем — начинать новый ряд статей, не закончив начатого, мне бы не хотелось. Хочу обличать пред публикой министерский псевдолиберализм донельзя» (Аксаков, 2012: 268–269).

Накопившееся раздражение и гнев Аксаков изливает на кн. Дм. Оболенского (15/16.V.1862), приславшего ему «благоразумное» письмо: «Благодарю тебя за твое длинное письмо, любезный друг, и вполне верю, что все твои реприманды внутренне искреннею дружбою, — дружбою слепую, неразумною. Разумная дружба не стала бы требовать от приятеля, чтоб он пел фистулой, или вообще не своим голосом, или как-нибудь ~~уродливо~~ нас уродовал свою личность. Разве ты не понимаешь, что День был бы не то, что он есть, не имел бы того значения, которое он имеет, если бы он издавался моею личностью, *faconnee a la* Головнин или *a la Obolensky*, если б он сколько-нибудь приобщился «казенщины»? Неужели ты думаешь, что Петербургская казенщина перестанет быть казенщиной от того, что начет рядить все в Русское платье? Была ложь, что Русских рядили в Немцев. Теперь другая ложь: Немцы рядятся в Русских! Я тогда только поверю возможности для Петербурга правительствующего — принять новое крещение, когда он отдуется, отплюется и отречется от дьявола, взошедшего в него при рождении. А покуда правительствующий Петербург не может переварить жестких слов честного человека (учению которого он имеет претензию сочувствовать!), покуда он боится свободы слова, пока испытывает родственное чувство к своей прабабке, — до тех пор не верю я желанию «искать в началах Русской жизни основы прочных преобразований». И он думает такую пошлою стереотипною фразой надуть славянофилов! О началах Русской жизни вы-то и запрещаете нам говорить! Именно запрещается мне писать о Земле, Государстве и Обществе, и о взгляде крестьян на поземельную собственность. — Стыдись! — Я понимаю очень хорошо, что вся злоба на меня происходит от того, что не удалось меня прицепить к правительственной партии. „Мы ли не славянофильничаем, <a> он нас так-таки себе и не признает“.

О том, в какой степени верен я завещанному мне учению — я могу судить лучшем <, чем> ты. О том, что мои передовые статьи не ясны для тебя, — я очень жалею; многие думают противное. Впрочем — в неясности обвиняй самого себя, т. е. правительство, т. е. цензуру. Когда Головнин так цензурует, что когда ты скажешь: эта книга не хороша, он вычеркивает не, и выйдет: книга хороша, — так как ты думаешь: легко быть ясным?

О том, чтоб писать понятно для дураков — мне и помышлять нечего. Я таким искусством не владею; если бы они поняли — они были бы не дураки, а они потому и дураки, что не понимают. Удивительные советы ты мне даешь: пиши так, чтоб дурак понял, а умный не понимал, подлец не сердился, вор не стыдился, чтобы нравилось и Долгорукому¹⁷, и Адлербергу¹⁸, и всем, кто имеет охоту и возможность мне вредить,

17. Долгоруков (Долгорукий) Василий Андреевич, князь (1804–1868), с 1856 г. член Государственного Совета, шеф жандармов и начальник III Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии.

18. Адлерберг Владимир Федорович, граф (1791–1884), с 1852 г. министр императорского двора, в 1856 г. назначен также и министром уделов.

чтобы все восчувствовали себя славянофилами, оставаясь Долгорукими, Головинными, Адлербергами, и проч. и проч.

Впрочем, оставим это. Жаль мне тебя. Человек ты не старый, а порешь такую казенную чушь!» (ИРЛИ, ф. 3 оп. 2 ед. хр. 30, лл. 66–67об.).

Оппозиционность и готовность к противоборству с цензурой в этот период у И.С. Аксакова достигают едва ли не высшей точки, сравнимой с его критическими настроениями середины 50-х годов, он сознательно идет на конфликт, отстаивая свободу печати¹⁹: закономерным итогом становится отстранение Аксакова от редактирования «Дня» и приостановка газеты с 15.VI.1862.

* * *

И.С. Аксаков сохранил в своем архиве оба варианта запрещенной 6-й статьи — первоначальный, предназначавшийся в № 28 «Дня» от 21.IV.1862 (с министерской правкой), и исправленный, который он надеялся поместить в № 30 от 5.V.1862. Данные тексты были отчасти введены в научный оборот в работах Н.И. Цимбаева (Цимбаев, 1978: 183–186; Цимбаев, 1986: 219–222), характер цензурной правки проанализирован Д.И. Бадаляном (Бадалян, 2011: 109–110), однако, несмотря на высокую оценку данных текстов в истории русской публицистики и большую значимость для истории русской общественной мысли (Цимбаев, 2007: 446–447), они до сих пор оставались неопубликованными.

Текст печатается по оригиналам, хранящимся в РО ИРЛИ РАН (Ф.3. Оп. 1. Ед. хр. 55). При публикации орфография частично приведена в соответствие с современными нормами, сохранены основные индивидуальные особенности написания. Фрагменты, вычеркнутые цензурой, выделены цветом; авторская правка отражена в подстрочных примечаниях.

Подготовка текста публикации, вступительная статья и примечания: А.А. Тесля.

Список используемых сокращений

ИРЛИ — Институт русской литературы («Пушкинский Дом») Российской академии наук, Санкт-Петербург

РГБ — Российская государственная библиотека, Москва

РНБ — Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург

Литература

[Аксаков И.С.] (1887). Сочинения И.С. Аксакова. Т. V: Государственный и земский вопрос. Статьи о некоторых исторических событиях. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы» и «Руси». Москва: Типография М. Г. Волчанинова.

[Аксаков И.С.]. (1891). Сочинения И.С. Аксакова. Т. II: Славянофильство и западничество. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Санкт-Петербург: Типография А.С. Суворина.

19. Напомним, что именно «свободное слово», согласно Аксакову, есть главное «орудие деятельности общества» (Аксаков, 1891: 39).

- [Аксаков И.С.]. (1892). Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 3: Исследование украинских ярмарок. Ополчение. Путешествия за границу. Письма 1851–1860 годов. Москва: Типография М.Г. Волчанинова.
- [Аксаков И.С.]. (1896). Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 2: Письма к разным лицам. Т. 4: Письма к М.Ф. Раевскому, к А.Ф. Тютчевой, к графине А.Д. Блудовой, к Н.И. Костомарову, к Н.П. Гилярову-Платонову. 1858–1886 гг. Санкт-Петербург: Издание Императорской публичной библиотеки.
- Аксаков И.С. (2002). Отчего так нелегко живется в России? / сост. В.Н. Грекова; подготовка текста, прим. В.Н. Грекова, Н.А. Смирновой. Москва: РОССПЭН.
- Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества. (2012). Вып. 4: в 3 частях. 1861–1869: Редактор-издатель газет «День», «Москва» и «Москвич». А.Ф. Аксакова (Тютчева) и И.С. Аксаков. Ч. I: 1861–1862 / сост. С.В. Мотин, И.И. Мельников, А.А. Мельникова; под ред. С. В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России.
- Аксакова В.С. (2004). Дневник: 1854–1855 гг. Москва: АСТ; Астрель.
- Бадалян Д.А. (2011). Цикл статей И.С. Аксакова об обществе: история цензуры и неопубликованные страницы // Третьи Аксаковские чтения: Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 220-летию со дня рождения С.Т. Аксакова (Ульяновск, 21–24 сентября 2011 года). Ульяновск: Издатель Качалин Александр Васильевич. С. 103–113.
- Валицкий А. (2012). Философия права русского либерализма / пер. с англ. О.В. Овчинниковой и др. под науч. ред. С.Л. Чижкова. Москва: Мысль.
- Уортман Р.С. (2004). Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2 тт. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II / пер. с англ. И.А. Пильщикова. Москва: ОГИ.
- Цимбаев Н.И. (1978). И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. Москва: Изд-во МГУ.
- Цимбаев Н.И. (1986). Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). Москва: Изд-во МГУ.
- Цимбаев Н.И. (2007). Историософия на развалинах империи. Москва: Издательский дом Международного университета в Москве.
- Чичерин Б.Н. (2010). Воспоминания: в 2 тт. Т. 2. Москва: Изд-во им. Сабашниковых.
- Lukashevich S. (1965). Ivan Aksakov, 1823–1886: a study in Russian thought and politics. Cambridge: Cambridge University Press.

<I. Первый вариант статьи²⁰>

<Красным карандашом в верхнем левом углу, рукой Аксакова:>

Процензурировано г. Министром

<Основной текст, справа, черными чернилами:>

Москва, 21 Апреля.

Мы говорили в последний раз, что история земства России разделяется на две эпохи: на эпоху уделов до единодержавия Москвы — эпоху городских и областных веч и деятельной местной самостоятельной жизни областей и общин; и на эпоху единодержавия Москвы вплоть до самого Петра, — эпоху Земских Соборов. Мы довели свою речь до этой последней эпохи, — и продолжаем.

Насилие и кривда Московских князей не в состоянии были бы никогда, одни, сами по себе, создать единое Русское Государство, если б на то не было произволения Русского народа, если б сами отдельные общины не стремились тайно и явно, невольно и сознательно — стать единою Русскою общиною и воплотить идею — единства Русской Земли в <[вставка карандашом:] единством внешней органической формы,> едином цельном государственном и земском организме. Были, конечно, случаи сильных, упорных сопротивлений, но, говоря вообще, борьба за самостоятельность областную была ничтожна, была изумительно слаба в сравнении с тою жизненностью, которую <[вставка карандашом:] еще незадолго перед тем> проявили области <[вставка карандашом:] и с теми средствами, которыми многие из них располагали: вспомним, что дружины некоторых князей были гораздо многочисленнее дружины Московской. Следовательно неправильно мнение, будто только преимущество материальной силы дало победу Москве> в цветущую эпоху своего существования. Очевидно, что выше местного и племенного эгоизма стояло для Русского народа возможно широкое общение племен и общин, «имущих един закон христианский», по выражению Нестора, всенародное братство, общий совместный труд борьбы, терпения, развития и совершенствования. Но для достижения этой высокой цели, для того, чтобы можно было ^a осуществить на земле **социальное** начало общины и духовное начало братства в таких громадных, не виданных миром размерах; для того, чтобы во всей полноте и широте могло вырабатываться общерусское всенародное самосознание, — для этого необходимо было, прежде всего, отречься от себялюбивых притязаний на политическую отдельность и самостоятельность, создать внешнюю форму гражданского существования уже не областями, а ^bвсею^b Землею, устремить все усилия на создание единого государства, и олицетворяя единство в единовластии царя, **неустрасимо взвалить себе на плечи громадную тяжесть самодержавия**, не убояться ни жертв, ни испытаний, вынести Иоанна, Петра, город Санкт-Петербург. — Крепкая духовною силой, Русь не испугалась подвига и ^c не смотря на неправды и коварство Московских князей <[вписано:] явные и ведомые, присущие общей памяти и сознанию и проклинаемые летописцами,> она собралась под Московским стягом, зна-

20. РО ИРЛИ, ф.3, оп. 1, ед. хр. 55, лл. 28–330б.

меновавшим единство <[вписано:] не смотря на преимущество материальной силы многих отдельных областей перед областью Московскою>. Так, в позднейшую эпоху, поступила и Малороссия: ничто не влекло ее к ее Московскому государству, не заманчива была Московская администрация, не надежны ее обещания, не сочувствен быт, не одинаков уровень образования, но <[вписано:] ничто не остановило присоединения> так произволил сам Малороссийский народ, ради духовного и внешнего единства всей православной Русской Земли, ради совместного нравственного исторического подвига. — Никакие силы в мире не состоянии нарушить это единство, скованное и закаленное тысячью лет ^dтерпения и страдания^{d, e}.

И так настало единоедержавие Москвы. Умолкли веча; затихла шумная и буйная разноголосица отдельных общин, уступая место чаемому в будущем, не вполне еще сложившемуся <[вставка:] и доселе> хору Русской Земли. Земля была по-старому велика и обильна, но недоставало ей ни государственного, ни земского общего наряда. Прежний наряд, узкий и тесный, оказался несостоятельным; прежний областной порядок сменился беспорядком — на пути к новому, высшему, труднейшему порядку. Земская стихия, с обломками вечаевого быта, представлялась в это время действительно стихией, без формы и организации. Как ни сильно было сознание единства Русской Земли, — но вследствие ^f неустройства внешнего и внутреннего, вследствие преград, полагаемых деятельному кровообращению организма — пространствам, ею занимаемым, ^gотсутствием^g всяких путей сообщения и другими историческими явлениями, — это сознание обретала <[вставка: покуда]> свою реальность, свою живую действительность^h только в лице единоедержавного царя, на которого Земля и возложила ⁱвсю работуⁱ своего строения.

Силы были соразмерные. С одной стороны, самодержавная власть, крепкая полномочием народным и потому неограниченная, <[вставлено и зачеркнуто:] новая>власть, сознающая свою силу и призвание, новая, **соблазняемая преданиями Татарской Орды и Византии**; с другой — Земля неустроенная и еще слабая, сознающая необходимость внешней власти для ^jвнешней организации <[вставка:] себя самой>, как единой Русской Земли, для воспитания и укрепления своих собственных Земских сил. Но не только облекла она царя всею своею собственною властью и возложила на него весь труд своего устроения, она предоставила царю — больше, чем власть, — инициативу, начальное передовое движение во всяком <[вставка:] общем> деле внутренней жизни.

Отсюда, с той поры, начинается та самодержавная инициатива, которая ⁱпродолжавшись три века^k, завершила наконец свою деятельность освобождением двадцати миллионов крестьян в 1861 году...

Это явление слишком важно; ^l можем на нем не остановиться.

С точки зрения теоретической кажется и доказывать не следует, что инициатива власти вообще не в состоянии заменить живой инициативы народной или общественной. Мы уже повторяли не раз, что правительство не может брать на себя обязанности самой жизни, исправляя должность самого организма. Излишняя, переливающаяся через край деятельность правительства, захватывая область деятельности частной и общественной, мертвит жизнь, парализует народный организм, заглушает в самом основании духовные силы народа. Это то, что мы называли, в одной из передовых

статей, ростом государства внутрь, усиления коры за счет сердцевины, столбением коры, на счет прочих органов, при неправильном кровообращении, при вялости других членов тела, при устранении всех сил организма на питание внешнего покрова. Если деятельность жизни не может быть заменена деятельностью правительства, если бездействие или — употребляя технический термин — инерция народного организма постоянно вызывает инициативу власти, и постоянная инициатива власти, в свою очередь, приучает организм к недеятельности, — то очевидно, что такое непомерное ^mусиление^m государственного ⁿначалаⁿ, не встречая никаких преград для своего ^oсвободного, ^oразвития <[вписано:] и заглушая ^pжизнь корней, которыми само живится и существует>, должно неминуемо, логически вести до полнейшего самоотрицания, т. е.: до несостоятельности правительственной, до разрушения всего организма. Порядок внешний, имеющий притязание заменить собою мнимый беспорядок жизни, — силою той же логики развития, приводит непременно ^qк анархии, к совершенному расстройству^q.

Такое болезненное и опасное для самого государства развитие государственного принципа и государственной инициативы может быть остановлено и ^rутверждено^r в пределах благой деятельности только возбуждением духовной и нравственной ^sжизни^s самого народа^t. Если ж организм народный уже не способен к ^uтакому обратному воздействию^u, то он гибнет, как тому и есть примеры в истории, но в организмах могучих, как Россия, болезнь, доходя до крайних своих пределов, вызывает ту спасительную реакцию народного духа, которая одна, единою своею духовною силою, способна возратить жизни и Земле, и Государству.

И так Русская Земля, признав и установив неограниченную Царскую власть, предоставила ей полную самодержавную инициативу. ^vНо что было и делать Земле? — Мы уже сказали, что она была страшно неустроена, что Земская стихия представлялась хаотическою, что прежний нард областной лопнул, а новый, государственный, не сложился, что для создания этого государственного наряда, той <[вписано:] громадной> внешней формы, в которой могло бы беспрепятственно совершаться все-народное развитие, необходимо было преодолевать ^wисполинские^w материальные преграды, победить врагов — внешних и внутренних, победить пространство, ^xосадить ^yбродячее население^y, ввести в действие все праздные и рассеянные силы; одним словом, по счастливому выражению одного из наших сотрудников, это была та страдная пора, когда потребовались все средства Земли на строение государства, своего рода стон или ^zусиленная помочь^z <[вписано:] на языке сельского населения>. Крепкая, могучая, самодержавная власть была необходима. Народ, однажды сознав ее необходимость, решился на всякие жертвы и испытания, способные упрочить силу строительного снаряда. Народ не обманывал себя никакими призрачными обольщениями, и с самого же начала мог предвидеть, какой тяжелый предстоит ему подвиг. Постановив самодержавие, он узнал его, он на первых же порах изведal его в лице мучителя Иоанна, — и не поколебался, а возвратил этого мучителя вновь на престол, когда он временно удалился, потому что тиран и деспот был в то же время мудрым строителем.

Но разве не смогла Русская земля, давая полный простор власти в области внешней, государственной <[вписано:] положить предел ее вторжению в область внутрен-

ней жизни, разграничить сферы инициативы правительственной и общественной>, оградить свою свободу политическим учреждением, правильною организацией своего земского участия и вмешательства в дело правления. И не могла и не хотела. Главною злобою дня было строение государственной формы, разделение среды правительственной и Земской было ясно народному^{aa} разуму^{aa}, но не было среды общественной, не было общества, как выражения народного, не было деятельности народного самосознания, не было личного просвещения единиц, народ составляющих. Власть была необходима, но Земля могла противопоставить ей только силу непосредственного бытия народного, а не силу народного самосознания. Власть была необходима, власть могучая и беспредельная, — но если бы сама Земля, посредством какого-либо политического учреждения, облекшись в венец и багряницу Царской власти <[приписка на полях:] (по выражению К.С. Аксакова)>, приняла на себя дело строения, то она погубила бы в себе навек стихию земской, не государственной жизни, она перестала бы быть землею, она отравила бы весь организм народный началом внешней формальной правды, ^{bb}внесла^{bb} бы полицейский ^{cc}элемент^{cc} в самую совесть народную, убила бы на ^{dd}всегда^{dd} внутреннюю свободу духа. Никогда самое необузданное самодержавие не может совершить такого нравственного зла, какое неминуемо совершает ^{ee}самодержавие^{ee} народное, т. е. народ, являющийся уже <[вписано:] не как живой организм, источник всякой ^{ff}власти и силы^{ff}> не как народ, а как царь и самодержец, не как сама жизнь, а как регламентатор, не как сама свобода, а как тиран.

Русская Земля, совлекши с себя всякую власть государственную и передавши ее царю, имела в виду противопоставить ее напору, со временем, ту нравственную ^{gg}деятельность народного духа, для которой, в эпоху Иоанна, еще не наступила пора, и которая едва ли и была возможна, в настоящей своей полноте, до окончания внешнего строения государственного: Целая тысяча лет потребовалась на это строение! В самом деле образовательный процесс Русского государства окончился (если уже можно считать его оконченным) только недавно, очень недавно — в 1861 году! только в 61 году введены были в действие, вошли в состав общего организма духовные и материальные силы двадцати миллионов Русских людей! Разве мыслимо было стоящее развитие и деятельное прогрессивное движение народа при таком громадном ущербе жизненной силе, вне участия этих двадцати миллионов? Разумеется, нет. Но если освобождение крестьян завершило внешнее сложение народного и государственного организма, то освобождение уже крестьян полагает начало новому периоду народной жизни, — периоду и деятельности общественной, и <[вставлено:] периоду> возрождения земской <[вставлено:] просветленной> стихии, во всеоружии народного самосознания. ^{hh}

Понятно теперь, почему создавая самодержавную власть, земля не хотела полагать ей вещественные, и не могла, в XVI веке, противопоставить ей ⁱⁱдуховныеⁱⁱ преграды. Понятно, ^{jj}почему^{jj} самодержавная инициатива, крепкая ^{kk}доверием народным^{kk}, ^{ll}встретила полный простор для своего разгула^{ll}, и скоро смешав все области государственной, частной, земской и общественной деятельности, достигла ^{mmm}своей апогеи^{mmm} в лице Петра, ⁿⁿⁿперед которым бледнеет деспотизм и тиранство царя Ивана, достигая апогеи, а вместе с тем и вызвала ^{ooo}реакцию^{ooo} народного духа, пробудив деятельность

самосознания. Но возвратимся к Иоанну. Его эпоха объясняет весь дальнейший ход Русской истории.

^{pp}Уполномочив^{pp} самодержавие ^{qq} на дело строения Русского Государства, Земля ^{rr} не приняла никаких мер к своему обеспечению. Все обеспечение, <[вставлено:] как мы уже сказали> было в обычаях, в единстве духовном и нравственном, связывавшем власть и народ, в той взаимности доверенности, которая легла в основу отношений Земли и Государства с самого начала истории. В самом деле, так свежа была память прежней вечевой жизни, так силен обычай, так присуще было сознанию значение Земства, что — при всей необузданности личного произвола, Иоанн постоянно помнил свое отношение к Земле и уважал ее больше, чем кто-либо из его преемников до Петра. Никто так живо не сознавал ^{ss} всей власти, всей важности и всего достоинства народного полномочия^{ss}, никто ^{tt} не относился так сознательно к царскому сану, ^{uu} как Иоанн Грозный. Он понимал, что кроме народа — ему бояться некого, и что кроме его, Московского прирожденного Князя, Царем быть некому, — **и празднуя разгульным неистовым пиром праздник Самодержавия, нового, неслыханной, небывалой на Руси ^{vv}силы^{vv}**, он дает в то же время организацию нестройной Земской стихии, созывает Земский собор и ^{www}вводит новый вид участия Земли^{www} в делах государственных и Земского самоуправления^{xx}. От него начинается в России деление служб и повинностей на земские и ^{yy}государевые^{yy} (т. е. коронные) и широкое приложение выборного начала к местному управлению, в сочетании с государственной централизацией. Когда просматриваешь указы и распоряжения Иоанна, невольно задаешься вопросом: каким же образом принимала тогда Земская жизнь такую регламентацию извне, которую она не снесла бы в настоящее время, которая встретила бы в ней отпор, если не положительный, то пассивный, страдательный; породила бы новое безобразие и возбудила бы искреннее негодование всех нас, защитников Русской народности и свободы народного развития? Это объясняется для нас во 1-х тем духовным и нравственным единством, которое связывало народ и власть, и которое <[вставлено:] в первое время,> не могло внушить власти никакой меры в духе ^{zz}противоположном^{zz}. Царь был лично человеком вполне народны; во 2-х действительною простотою и немногосложностью ^{aaa}регламентации^{aaa}, дававшей полный простор совести и внутренней правде. Впрочем, мы не намерены нисколько защищать здесь безусловно ^{bbb}ту организацию, которую давал Иоанн Земской стихии. Позднее, при дальнейшем развитии Московского административного порядка и Московской централизации, — когда на участие Земских сил стали смотреть, как на вещественный материал, годы для замены средств правительственных, мы нередко встречаем, по-видимому, странное явление: Земля отказывается от своих прав, просит назначения воевод вместо выборных губных старост, или тяготится службами, так называемыми теперь «общественными», и ^{ccc}ищет от них избавления; ^{ddd}это последнее требование было выражено, между прочим, при царе Михаиле Федоровиче, на ^{eee}Земском Соборе. —

^{fff}Видно, что Иоанна неотступно преследовал образ, ^{fff} в то время еще новый, единой Русской Земли, и что перед ним постоянно носилась идея Земства^{fff}. Это доказывается самим учреждением, хотя и временным, Земщины и Опричнины. Ставя Земщину с Земскими делами, Земским управлением и Земским царем — вне своего личного царского произвола, — для ^{ggg}деятельности которого ^{hhh}отводил^{hhh} он ⁱⁱⁱизвестноеⁱⁱⁱ

число городов, под именем Опричнины, — он Иоанн этим самым как бы ограждал свободу Земли, как бы заявлял о неприкосновенности цельной Земской жизни, резко отделял ^{jjj}правление Землею^{jjj} от ^{kkk}случайностей^{kkk} личного царского ^{lll}права^{lll}, ограничивая личные прихоти и произвол самодержца тесною областью Опричнины.

Разумеется, такое дикое учреждение **было новым явлением прихотливого деспотизма**, ^{mmmm} не могло продолжаться и действительно продолжалось не более 7 лет, — но самая возможность подобной мысли свидетельствует о том, как живо было в общем сознании значение Земли и Земства. При всем сходстве между Петром I и Иоанном IV, нельзя не заметить того различия, что ⁿⁿⁿИоанн по крайней мере отделял Земщину ^{ooo} от Опричнины, а Петр I обратил всю Землю в Опричнину.

Самодержавная инициатива Иоанна была только началом или образцом той силы, которая в своем неудержимом стремлении привела Россию к катастрофе Петра и заглушила ~~надлеж~~-постепенно деятельность Земской стихии. Но уже и при Иоанне, еще в малых размерах, она являет в себе все задатки своего будущего развития. ^{ppp}Так, царская власть учреждает типографию^{ppp} и распоряжается печатанием ^{qqq}церковных^{qqq} книг, ^{rrr} царская власть творит то, что было везде предметом деятельности общественной ^{sss}. Но заведенная типография не вызвала к жизни ничего даже сколько-нибудь похожего на тот стремительный поток ^{ttt}деятельности^{ttt}, который брызнул ключом везде в Европе при открытии книгопечатания. Первая вольная типография является в России уже при Екатерине II-ой, и таким образом 200 лет пробавлялась Россия сначала одной, потом ^{uuu}несколькими^{uuu} казенными типографиями, в то время как ^{vvv}соседняя Литва была усеяна печатными станками.

^{www}Одним словом везде и всюду начинает проникать царское веление и царская опека, — и скоро на бездейственном просторе Земли, наполняя собою пустоту, образуемую отсутствием всякой общественной среды и общественной деятельности, — ^{xxx}остается^{xxx} одна — и только одна — самодержавная инициатива. Деятельность ^{yyy}принадлежит^{yyy} только в правительству, оно одно дает жизнь и движение, творит и созидает; все остальное погружается в бездействие и мало-помалу в летаргический сон. Разумеется — жизнь и движение, нисходящие сверху от правительства, не возжигают настоящего пламени жизни, и сами действуют только до тех пор, пока не отнимется от них крепкая рука власти. Так ^{zzz}матера, дохутра и другие ученые иностранцы, — которых во множестве выписывало Русское правительство при Иоанне, Борисе, Михаиле и Алексее, не прививали к Русской Земле никакой науки, никакого мастерства и художества. Если бы первой заботой Иоанна и его преемников было водворение в России, если бы они основали в России хоть одно училище, то, может быть, при существовавшей еще тогда свежести Земского начала, при духовной деятельности народного организма, — возникла бы в России деятельность самобытного просвещения, — училища-то и не заводила инициатива царей до-Петровской Руси, кроме ^{aaaa}неудачной попытки^{aaaa}, выразившейся в создании Заиконоспасской академии в конце XVII века.

Мы не входим здесь в подробное разбирательство причин, почему именно просвещение так туго давалось России; нам пришлось бы говорить тогда о ^{bbbb}религиозном элементе^{cccc} и о ^{dddd}духовенстве в России^{dddd}, может быть, мы бы и нашли историческое оправдание нашей духовной инерции, но все это не входит в нашу задачу. — Мы

хотели только указать на ту эпоху в нашей истории, откуда пошла ест^{cccc} та государственная деятельность, тот государственный рост внутрь Русской Земли, который шел, не останавливаясь, триста лет сряду, но, кажется, уже дошел до своего предела. Мы объяснили, что уполномочив самодержавную власть на строение внешней государственной стороны, Русская Земля не положила ей никаких границ и препятствий и благоразумно воздержалась от вторжения в область государственную, **ревниво оберегая свою духовную свободу, свою Земскую жизнь и область внутренней правды от государственного элемента для лучших времен**; мы ^{ffff}объяснили^{ffff}, что пределы государственной стихии могут быть обозначены только развитием народного самосознания, в обществе, силы которого не заменяют никакие политические учреждения, и что положительная деятельность народного самосознания являлась возможною при внешнем неустройстве народного и государственного организма; что сложение Русского государства окончилось или еще только кончается с освобождением 20 миллионов крестьян; **что все эти причины вместе дали не только безграничный простор не только самодержавной правительственной власти, но и самодержавной инициативе; что связанная в начале единством нравственным и духовным с Русским народом, власть уважала Землю и действовала не противно духу Русской народности, но с ослаблением связи явилась враждебною народным началам, что, наконец, такое ее непомерное и уродливое развитие подействовало ^{gggg}, наконец, спасительно на почву народного духа, вызвав его к ^{hhhh}отпору^{hhhh} в области самосознания.**

Нам остается сказать еще о деятельности и значении дворянства, или, вернее, служилого класса в России до Петра, о постепенном ⁱⁱⁱⁱнаступленииⁱⁱⁱⁱ эпохи Петровского переворота и ^{jjjj}об общественном Русском^{jjjj} развитии от Петра до нашего времени.

Исправления:

a: явить	v: Само собою разумеется, что позднейшие последствия такой инициативы>
b-b: всеми	w-w: громадные
c-c: приняла его, нисколько не обольщаясь	x: ввести в действие
d-d: обиды	y-y: бродячие ее силы
e: Русский на<род>	z-z: усиленный наряд
f: евоего	aa-aa: сознанию
g-g: недостатком	bb-bb: поставила
h: для Земли	cc-cc: принцип выше
i-i: весь труд	dd-dd: веки
j: своей	ee-ee: государствован<ие>
k-k: продолжается до сих пор	ff-ff: жизни
l: чтобы упомянув	gg: и духовную
m-m: развитие	hh: Но возвратимся к Иоанну.
n-n: элемента	ii-ii: нравственные
o: логиче<ского>	jj-jj: что
p: деятельно	kk-kk: полномочием нар<одным>
q-q: к анархии, к худшему беспорядку	ll-ll: не встречая народных препятствий на своем пути
r-r: возвращено	mm-mm: своего апофеоза
s-s: деятельности	nn: такого тирана и деспота
t: деятельности народного самосознания	
u-u: такой реакции	

oo-oo: деятельность	mmm: и
pp-pp: Установив	nnn: Иван Грозный подчинял себя, хотя ради по-
qq: и возложив на него	техн
гг: как мы сказали	ooo: отделяя для себя
ss-ss: своего народного полномочия	ppp-ppp: Царь учреждает типографию
tt: так	qqq-qqq: богосл<овских>
uu: никто	ггг: одним словом — делает
vv-vv: величественного звания	sss: зато пролтораста лет спустя, она одиноко, не
ww-ww: призывает Землю к	вызвав
xx: учреждением земских изб, губных старост и	ttt-ttt: жизни
проч. и проч.	uuu-uuu: двумя
yy-yy: государственные	vvv: в Малоруссии и
zz-zz: противоположного, не Русского.	www: Иоанн Царская власть обращает внимание
aaa-aaa: организации	на историю и <1 сл. нрзб.> Государственный Ле-
bbb: Земские	тописец полагает начало официальной лжи.
ccc: выражает	xxx-xxx: возникает
ddd: как при	yyy-yyy: является
eee: Азовском так называемом Азовском	zzz: выписываемые правительством
fff-fff: Видно, что Иоанн постоянно носился с	aaaa-aaaa: жалкой попытки
идеями, в то время еще новой, единства Рус-	bbbb: значении
ской Земли, и что его неотступно преследовал	cccc: в России
fff: единой	dddd-dddd: Византийском духовном влиянии
ggg: полного разгула	eeee: самодерж<...>
hhh-hhh: отдавал	ffff-ffff: ска<зали>
iii-iii: известную	gggg: как благодетельный призыв
jjj-jjj: Земское <правление>	hhhh-hhhh: деятельности
kkk-kkk: произ<вола>	iiii-iiii: продвижении
lll-lll: произвола	jjjj-jjjj: о нашем

<II. Второй вариант статьи²¹>

<В левом верхнем углу красными чернилами, рукой Аксакова:>

Не одобрена и возвращена Г. Главнoуправляющим
Министерства Народного Просвещения с уведомлением,
что к напечатанию допущена быть не может.

Мая 8 1862.

<Основной текст, черными чернилами:>

Москва, 5 мая.

Мы говорили в последний раз, что история земства в древней России разделяется на две эпохи: на эпоху уделов до единой державы Москвы, эпоху городских и областных вечей и деятельной местной самостоятельной жизни областей и общин; и на эпоху единой державы Москвы, вплоть до самого Петра, — эпоху Земских Соборов. Мы довели свою речь до этой последней эпохи и продолжаем.

Насилие и кривда Московских князей не в состоянии были никогда, одни, сами по себе, создать единое Русское государство, если бы на то не было произволения Русского народа, если бы сами отдельные общины не стремились тайно или явно, невольно или сознательно — стать единою Русскою общиною и воплотить идею единства Русской Земли в единстве внешней органической формы. Были, конечно, случаи упорных, сильных сопротивлений, но, говоря вообще, борьба за областную самостоятельность была ничтожна, была изумительно слаба в сравнении с тою жизненностью, которую еще незадолго перед тем проявляли области, и с теми средствами, которыми многие из них располагали: вспомним, что дружины некоторых княжеств были гораздо многочисленнее дружины Московской. Следовательно, несправедливо мнение, будто бы только преимущество материальной силы дало победу Москве²². — Очевидно, что выше местного и племенного эгоизма стояло для Русского народа возможно-широкое общение племен и общин, «имущих един закон христианский», по выражению Нестора, всенародное братство, общий совместный труд жизни — борьбы и совершенствования. Но для достижения этой высокой цели для того, чтобы во всей полноте и широте могло выработаться общерусское всенародное самосознание, — для этого необходимо было, прежде всего, отречься от себялюбивых притязаний на политическую отдельность областей, создать внешний образ гражданского существования уже не областями, а всею Землею, устремить все усилия на строение единого государства и — олицетворяя государственное единство в единовластии царя — не отступить ни от каких жертв и испытаний, вынести Иоанна, Петра и — Санкт-Петербург. — Крепкая духовною силою, Русь не испугалась подвига и, несмотря на многие неправды и коварство Московских князей, присущие общей памяти и сознанию и записанные летописцами, — она собралась под Московским стягом, знаменовавшим единство.

21. РО ИРЛИ, ф.3, оп. 1, ед. хр. 55, лл. 22–27.

22. Аксаков полемизирует с федеративной теорией Н. Костомарова, пропагандировавшийся в эти годы на страницах «Современника».

Так, в позднейшую эпоху, поступила и Малороссия: ничто не влекло ее к Московскому государству, не заманчива была Московская администрация не надежны ее обещания, не сочувствен быт, даже не одинаков уровень образования, — но ничто не остановило присоединения, на которое произволил сам Малороссийский народ, ради духовного и внешнего единства всей православной Русской Земли, ради совместного исторического подвига.

И так настало единодержавие Москвы. Умолкли веча; затихла шумная и буйная разногласица отдельных общин, уступая место будущему, чаемому, но еще доселе вполне не сложившему хору Русской Земли. Земля была по-старому велика и обильна, но недоставало ей государственного общего, единого наряда. Прежний наряд, узкий и тесный для цельного государства, оказался несостоятельным; прежний областной порядок сменился беспорядком — на пути к новому, высшему, труднейшему порядку. Местная жизнь пресеклась, новая, общая, еще не сложилась. Земская стихия не представляла в это время, ввиду новых требований единства, ничего, кроме обломков вечевого быта, никакой новой своеобразной формы и организации. Как ни сильно было сознание единства Русской Земли, но вследствие неустройства, внешнего и внутреннего, вследствие преград, полагаемых деятельному кровообращению земского организма — пространством, отсутствием путей сообщения и другими историческими явлениями, — это сознание обретало покуда свою реальность, свою живую действительность только в лице единодержавного царя, на которого Земля и возложила всю работу своего строения.

Силы были несоразмерные. С одной стороны, самодержавная власть, крепкая неограниченным полномочием народным, вполне сознающая свою силу и призвание <[вставка:] власть новая в Русской Земле, не чуждая посторонних влияний>. Вот что говорит о возникновении этой власти автор разбора VI тома ист. России г. Соловьева²³, напечатанного в IV томе Р. Беседы 1856 года: «Русская Земля, очевидно, охотно признает единодержавие Великого Князя, уже не только Московского, но Вся Руси. Два царства, столь близко знакомые России по различным отношениям, падают в это время: падает Византия, разваливается Орда, но соблазнительная теория Византийского Императора и соблазнительная практика Татарского Хана сильно действуют на Великого Князя Московского и оставляют на нем следы. Он не сделался ни Греком, ни Татаринцом: он только невольно принял на себя эти оттенки, данные историей, и тем быстрее и резче пошел к своей самостоятельной цели». Итак, с одной стороны — самодержавная власть; с другой — Земля неустроенная и еще слабая, сознающая необходимость внешней власти для внешней организации себя как единой Русской Земли, для воспитания и укрепления своих собственных земских сил. Но не только облекла она царя всею своею собственною властью и возложила на него весь труд своего устройства, — она ^а«допустила» царю больше, чем власть, — инициативу начальное передовое движение во всяком общественном деле.

Отсюда, с той поры, начинается та самодержавная инициатива, которая, продолжавшись три века, завершила наконец свою деятельность освобождением двадцати миллионов крестьян в 1861 году...

23. Т. е. Константин Сергеевич Аксаков.

Без всякого сомнения, государство имеет полное право инициативы во всем, что касается внешнего государственного наряда, но есть область, где инициатива власти не может заменить живой инициативы народной или общественной. Повторим здесь то, что сказано нами в 21 и 22 №№ Дня: «правительство не может брать на себя обязанности самой жизни, исправлять должность самого организма. Государственная деятельность, захватывающая область деятельности частной и общественной, мертвит жизнь, парализует народный организм, заглушает в самом основании духовные силы народа». «Это то, что мы называем ростом государства внутрь, усилением коры на счет сердцевины, отолщением коры на счет прочих органов, при неправильности кровообращения, при вялости прочих членов организма, при устремлении всех сил на питание одного внешнего покрова». ^b Таким образом, если бездействие или инерция народного организма вызывает постоянную деятельность государственной инициативы, ^c которая в свою очередь приучает народ организм к недеятельности — то очевидно, что государственная инициатива в таком случае, не встречая никаких преград для своего свободного, самостоятельного, логического развития, должна прийти до самоотрицания до своей полнейшей несостоятельности...

«Если дерево обратится все в кору, если заглушится жизнь корней, которыми ~~питается~~ живится и питается сама кора, то древо сохнет и гниет» (День, № 22). Порядок внешний, имеющий притязание заменить собою мнимый беспорядок жизни, приводит непременно к настоящему беспорядку или к совершенному расстройству. При таком ненормальном, болезненном развитии государственно принципа, сказали мы в той же статье, «только сознательная деятельность народного духа может спасти народ и остановить — растущее внутрь государство». Этой-то сознательной деятельности не было в XVI веке в Русской земле, да и опасность устранилась там духовным единством и тем взаимным доверием, которые связывали народ и власть.

Впрочем, что же было и делать Земле? Мы уже сказали, что она была страшно нестроена, что ^dпрежний наряд^d лопнул, а новый еще не образовался, что для создания этого нового государственного наряда, той громадной внешней формы, в которой бы беспрепятственно могло совершиться внутреннее развитие народного духа, необходимо было устранить исполинские материальные преграды, победить врагов внешних и ^eвнутренних^e, одолеть пространство, осадить ~~нар~~ бродячее население, ввести в действие все праздные и рассеянные силы; одним словом, по счастливому выражению одного из наших сотрудников, это была та страдная пора, потребовались все средства Земли на строение государства, — своего рода сгон или усиленная помочь на языке сельского населения. Крепкая, могучая самодержавная власть была необходима, и народ, однажды признав ее необходимость, решился на всякие жертвы и испытания, способные упрочить силу строительного снаряда. Народ с ^fсамого начала^f мог предвидеть, какой предстоит ему подвиг, потому что первым самодержавным царем был — Иоанн Грозный...

Многие спросят нас: ^gразве^g давая полный простор власти в области внешней, государственной, Русская Земля не <могла [вписано над строкой]> разграничи<ла>ть эту область с областью жизни внутренней, ~~не~~ разделить среды — инициативы правительственной и общественной, ~~не~~ или оградить свою Земскую свободу каким-нибудь политическим учреждением? ^h И не могла, и не хотела. ⁱ Хотя различие Земли и Госу-

дарства^j и существовало в жизни, в обычаях, но Земля могла противопоставить Государству только силу непосредственного народного бытия < [вписано над строкой:] и разума>, а не силу народного самосознания: среды общественной,^k в которой бы совершалась деятельность этого народного самосознания, общества, еще не было; народ не был еще вооружен личным просвещением < [вписано над строкой:] народных> единиц,^l которые, сохраняя органическую связь с народом, в то же время служили бы ^mсознательным^m выражением народному непосредственному разуму. Это отсутствие общества и общественной деятельности образовало пустоту, которая естественно наполнялась вся деятельностью правительственной.ⁿ С другой стороны, устройство государственного наряда требовало власти могучей, крепкой, ^oне стесненной^o, но если бы сама Земля, облекшись в доспехи Самодержавной Власти или посредством какого-либо политического учреждения, ^pприняла на себя^p дело своего внутреннего строения, она погубила бы в себе навек стихию Земской, не Государственной жизни, она перестала бы быть Землею, она отравила бы весь организм народный началом внешней формальной правды, она внесла бы элемент внешнего ^qнасилия^q в сокровенную область народного быта, совести, внутренней свободы народного духа. ^rЭто было бы таким большим злом^s, что исходило бы не извне, по ^tпринуждению^t, а от самого народа. Народ явился бы тогда не как народ, а как царь и самодержец, не как сама жизнь, а как регламентатор, не как сама свобода, как деспот. И потому ^uРусский народ^u передал эту власть лицу, надеясь в то же время на ^vкрепость совещательного обычая^v в Русской Земле и доверяя силе духовного единства, связывавшего ^wГосударя^w с Землею. И действительно, как уже было замечено, первый Самодержавный царь созывает первый Земский Собор. Но для той деятельности народного ^xсознания, которая одна представляет ^yнравственную,^z следовательно сильную гарантию народной свободы, — в эпоху Иоанна еще не наступила пора < [вставка:] в настоящей своей полноте>, да и едва ли она могла быть возможна, до окончания внешнего строения государственного. Целая тысяча лет потребовалась на это строение! < [вставка:] (Мы не рассматриваем здесь, почему и по чьей вине замедлялось это строение).> В самом деле, только недавно, очень недавно, в 1861 году, введены были в действие, вошли в состав общего организма, духовные и материальные силы двадцати миллионов Русских людей. Едва ли и было ^{aa}возможно^{aa} истинное развитие и деятельное прогрессивное движение Русского народа вне участия этих двадцати миллионов! Но если освобождение крестьян завершает ^{bb}сложение Государства, то освобождение же крестьян должно бы тем положить начало новому периоду народной жизни и деятельности общественной, периоду возрождения Земской просветленной стихии, во всеоружии народного самосознания...

Понятно теперь, почему, создавая самодержавную власть, Земля не хотела полагать ей вещественные и не могла в XVI веке противопоставить ей духовные преграды. Понятно также, почему самодержавная инициатива, встречая полный простор для своего развития, ^{cc}мало-помалу смешивала области государственной, земской и общественной деятельности^{cc}, и достигнув своей страшной апогеи в лице Петра, ^{ff}разорвала свою органическую связь с мыслью народной, — но вместе с тем вызвала и реакцию народного духа, пробудив деятельность народного самосознания. Но возвратимся к Иоанну.

Еще так свежа была память прежней вечевой жизни, так силен обычай, так при-
суще было сознанию самого правительства значение Земства, что — при все необ-
узданности личного произвола, Иоанн постоянно помнил свое отношение к Земле и
уважал ее больше, чем кто-либо из его преемников ^{dd} до Петра (^{ee} при Петре <[вписа-
но:] и после него> о Земле нет и речи). Никто так живо не сознавал всего могущества,
важности и достоинства народного полномочия, никто не относился так сознательно
к царскому <л.26> сану, как Иоанн Грозный. Он понимал, что <[вставка:] кроме наро-
да — ему бояться некого, и> кроме его, Московского прирожденного Князя — царем
быть некому, и празднуя по-своему, казнями и пирами, установление в России ново-
го, небывалого и неслыханного в ней царского всемогущества, он дает в то же время
организацию нестройно Земской стихии, созывает Земский собор, узаконяет новый
вид Земского самоуправления. Хотя ^{ff} многое, в этом последнем отношении было
сделано его предместниками, но от него собственно начинается деление служб и по-
винностей на земские государевы (т. е. коронные) и широкое приложение выборного
начала к местному управлению, в применении к нуждам государственной централи-
зации. Когда просматриваешь указы и распоряжения Иоанна, невольно задаешься
вопросом: каким же образом принимала тогда земская жизнь ^{gg} регламентацию ^{gg} из-
вне, которую она не снесла бы в настоящее время, которая встретила бы в ней отпор,
если не положительный, то пассивный, страдательный, породила бы новые безобра-
зия и возбудила бы <[вписано:] широкое> негодование всех защитников свободного
народного развития? Это объясняется для нас во 1-х тем духовным и нравственным
единством, которое связывало Государство и Землю и которое, в первое время, не
могло внушить власти никакой меры в духе противонародном: царь, ^{hh} лично, был
вполне человеком своей Земли и своего народа. Во 2-х тем, что эта тогдашняя ре-
гламентация была действительно проста, немногосложна, вполне понятна и давала
полный простор совести и внутренней правде. Позднее, при дальнейшем развитии
Московского административного порядка и Московской централизации, — когда на
“службу” Земских “людей” стали смотреть, как на вещественный материал, годный
для замены или для пополнения скудных средств правительственных — мы нередко
встречаемся с таким явлением, что Земля, по-видимому, отказывается от своих прав,
просит назначения воевод, вместо губных старост, или тяготится службами и ищет
от них избавления.

Видно, что Иоанна неотступно преследовал образ, в то время еще новый, единой
Русской Земли и что перед ним постоянно носилась идея Земства. Это доказывает-
ся самым учреждением, хотя и временным, Земщины и Опричнины. Ставя Земщину
с Земскими делами, Земским управлением и Земским царем — вне своего личного
царского произвола, для деятельности которого отводил он известное число городов
под именем Опричнины, — Иоанн этим самым как бы ограждал свободу Земли, как
бы заявлял о неприкосновенности цельной Земской жизни, резко отделяя правление
Землею от случайностей личного царского нрава, ограничивая личные прихоти само-
держца тесною областью Опричнины. Разумеется, такое <[вписано:] в то же время>
дикое учреждение не могло продолжаться и действительно продолжалось не более
7 лет — но самая возможность подобной мысли свидетельствует о том, как ^{kk} живо ^{kk}
было ^{ll} для его сознания значение Земли и Земства. При всем сходстве между Петром

I и Иоанном IV, нельзя не заметить ^{mm} того различия, что Иоанн по крайней мере отделял Земщину от Опричнины, а Петр I обратил всю Землю в Опричную...

Но уже при Иоанне государственная инициатива, хотя в малых размерах, являет в себе задатки своего будущего развития и переходит в область инициативы общественной — которой тогда еще не было. Так царскою властью, а не частною предприимчивостью, учреждается <[вписано:] первая> типография в России, но эта казенная типография ничего не вызывает в жизни, ничего хоть сколько-нибудь похожего на ⁿⁿ тот стремительный поток умственной деятельности, который хлынул везде в Европе, при первом появлении печатной книги. Первая вольная типография появляется в России уже при Екатерине II-й, и таким образом 200 лет пробавлялась Россия сначала одной, потом несколькими казенными типографиями, в то время как ^{oo} соседняя Литва, а отчасти и Малороссия — были усеяны печатными станками, на которых кипела работа!

Одним словом, везде и всюду, с той поры начинает проникать Царское веление и Царская опека, — и мало-помалу, на бездейственном просторе Земли, наполняя собою пустоту, образуемую отсутствием всякой общественной среды и деятельности, — остается одна — и только одна — самодержавная инициатива... Правительство одно дает жизнь и движение, — но эта жизнь и движение, нисходящие сверху, — разумеется, не в состоянии возжечь истинного пламени жизни, и сами действуют только до тех пор, пока не отнимается от них крепкая рука власти. Впрочем, до самого Петра эта инициатива не была чужда народного духа — но ^{pp}при всем том — она не вызвала^{pp} или не успела вызвать в Русской Земле самобытного просвещения!

Мы не входим здесь в подробное разбирательство причин, почему именно просвещение так туго давалось России. Мы хотим только указать на тот рубеж в нашей истории, откуда пошла есть та государственная деятельность, тот государственный рост внутри Русской Земли, который шел, не останавливаясь, триста лет сряду, но, кажется, уже дошел до своего предела.

Нам остается еще сказать о деятельности и значении дворянства или, вернее, служилого класса в России до Петра, о том, почему оно не образовывало общественной силы, о Петровском перевороте и об общественном Русском развитии от Петра до нашего времени.

Исправления:

a-a: предоставила	k: не было, не было общества
b: Но деятельность жизни не может быть заменена деятельностью правительства	l: народ составляющих
c: а усиленная деятельность государственной инициативы	m-m: непосредственным>
d-d: земская стихия	n: С другой стороны, Устройство
e-e: домашних	o-o: неограниченной>
f-f: самой первой	p-p: занялась бы
g-g: почему же	q-q: принуждения
h: На это мы ответим, что Земля	r: Все
i: Дело в том, что при всех	s: потому
j: было ясно народу	t-t: насилию
	u-u: Русская Земля
	v-v: силу обычая взаимн<ого>

w-w: Власть

x: духа

y: единую сильную — именно

z: гарантию на<родной свободы>

aa-aa: и мыслимо

bb: внешнее

cc-cc: скоро смешала все

dd: после

ee: после

ff: в

gg-gg: организацию

hh: был

ii-ii: участие

jj-jj: сил

kk-kk: велико еще

ll: значение

mm: уже

nn: ту

oo: в

pp-pp: при всем том — она не могла не была де-
тельность ее